

100 лет

со дня рождения Октава Оническу (20.VIII.1892—18.IX.1983), румынского математика, члена Румынской АН с 1965 г. Родился в Ботошани, учился в Бухарестском университете. С 1929 г. — его профессор.

Основные работы относятся к алгебре, дифференциальной геометрии, топологии, анализу, функциональному анализу, теории функций комплексной переменной. Один из организаторов Балканского союза математиков и президент его Румынского комитета.

100 лет

со дня рождения Эдварда Эплтона (6.IX.1892—21.IV.1965), английского физика, члена Лондонского королевского общества, лауреата Нобелевской премии 1947 г. Родился в Брандфорде, окончил Кембриджский университет в 1913 г. Был профессором Лондонского (1924 — 1936 гг.) и Кембриджского (1936 — 1939 гг.) университетов, с 1949 г. — ректор Эдинбургского университета.

Основные работы относятся к радиофизике, главным образом исследованию распространения радиоволн, и физике атмосферы. В 1924 г. открыл ионосферу, а в 1926 г. обнаружил в ней верхний отражающий слой (слой Эплтона), существование которого в 1902 г.

предсказал Хэвисайд. В 1927 г. разработал магнитоионную теорию ионосферы.

100 лет

со дня рождения Артура Холли Комптона (10.IX.1892—15.II.1962), американского физика, члена Национальной АН с 1927 г., лауреата Нобелевской премии 1927 г. Родился в г. Вустере штата Огайо, окончил Вустерский колледж в 1913 г. и Принстонский университет в 1914 г. С 1920 по 1923 г. — профессор университета Дж. Вашингтона в Сент-Луисе, с 1923 по 1945 г. — профессор Чикагского университета (с 1942 по 1945 г. одновременно возглавлял Металлургическую лабораторию), с 1945 по 1953 г. — ректор университета Дж. Вашингтона и с 1953 по 1961 г. — вновь профессор того же университета.

Его работы посвящены атомной и ядерной физике, физике космических лучей. Впервые обнаружил эффект изменения длины волны рентгеновского излучения в результате рассеяния его на электронах. Этот эффект, известный в физике как Комpton-эффект, послужил прямым доказательством существования фотона.

В 1932 г. Комpton открыл широтный эффект космических лучей и обнаружил в них заряженные частицы. Одним из первых выдвинул идею спина.

От редакции

Преподосвященный Варнава, епископ Каннский, викарий Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) — один из наиболее деятельных ее архиереев. РПЦЗ образовалась в результате «первой волны» эмиграции и ныне объединяет в 14 своих епархиях большинство русской диаспоры всех континентов. После отказа зарубежных архиереев подписать в 1927 г. Декларацию митрополита Сергия (Страгородского) о единстве интересов Церкви и советского государства РПЦЗ на шесть десятилетий стала в СССР «Церковью нон грата». В настоящее время происходит возвращение на Родину и зарубежной части российского Православия.

Во время своего визита в Москву в январе этого года Владыка Варнава посетил ИИЕиТ и в качестве представителя Синода РПЦЗ подписал соглашение о сотрудничестве, предусматривающее содействие в изучении жизни и творчества русских ученых-эмигрантов, а также проведение совместных семинаров и собеседований по широкому кругу проблем, связанных со взаимоотношением науки и религии в современном мире. Он также дал интервью нашему журналу.

«ЧЕЛОВЕКУ ДАНО НЕ ТОЛЬКО АНАЛИЗИРОВАТЬ, НО И ВЕРИТЬ» (Интервью с епископом Каннским Варнавой)

— Ваше Преосвященство! Проблема соотношения науки и религии, научного и религиозного познания интересует сейчас многих исследователей, в том числе и историков науки. Если в недавнем прошлом в СССР заявляли о непримиримой борьбе между этими двумя формами духовного освоения мира, то сейчас ситуация в корне изменилась: некоторые апологеты христианства пытаются с помощью науки обосновать библейский фундаментализм; в Россию часто приезжают американские ученые-«креационисты», настаивающие на буквальном понимании библейских текстов о сотворении мира. В связи с этим интересен Ваш взгляд на проблему так называемой христианской науки. Существует ли она, и если да, то каково Ваше к ней отношение?

— Наука нехристианская для меня непонятна. Я не думаю, что можно говорить о христианской науке как о школе, — это было бы некоторым преувеличением. Просто среди людей науки есть глубоко верующие люди, истинные христиане. Всем известно выражение кого-то из великих ученых: «Немного науки отдаляет от Бога, много науки приближает к Богу». В то же время я считаю, что верующий ученый может быть, к примеру, эволюционистом. Церковь не пытается навязать буквальную трактовку библейских фактов в качестве обязательной посылки для научной системы — это не догма. Мы отлично понимаем, что мир развивается, что у него было какое-то

начало. Для меня, как православного епископа, это начало — наше Божество. А цель науки — помочь нам понять это развитие как процесс. Всем ясно, что летоисчисления «7 000 лет от сотворения» не может быть.

Приемы американских миссионеров я рассматриваю как очень наивные. Мы в Европе уже привыкли к тому, что они предлагают Писание с той же улыбкой, что и пылесос, а для вас это еще в диковинку. Они делают доброе дело, открыто идут к людям, открыто говорят с ними, но мне кажется, они недооценивают всей глубины религиозного восприятия православных и поэтому иногда могут вызвать улыбку.

— До недавнего времени у нас считали, да и сейчас еще многие считают, что научный и религиозный типы сознания в какой-то степени антагонистичны: если наука опирается на позитивное знание, то религиозный опыт спиритуалистичен по определению, и поэтому конфликт между этими типами мышления неизбежен.

— Я не думаю. Вы отлично понимаете, что все большие открытия в науке идут не от разума, а от интуиции. Конечно, в работе ученого есть большая доля рассудка, но есть и какая-то случайность, какое-то озарение, в результате которого и происходит открытие. Потом это оформляется в систему, а затем она развивается и совершенствуется. На мой взгляд, этот момент озарения — милость Божия к

падшему человечеству, которое благодаря науке может постепенно вернуться к более целостному и осмысленному восприятию мира.

— В Новом завете неоднократно повторяется мотив: «Утаил сие от премудрых и открыл младенцам». Не означает ли это, что в христианстве заложено определенное пренебрежение к рациональному знанию доктринального порядка?

— Я не думаю, что Господь утаил истину от премудрых. Тут речь совсем о другом. Есть очень мудрые и ученые люди, которые сохранили простое сердце. И это самое важное — не быть лукавым. Перед Богом мы все как его дети. Я думаю, это каждый понимает. Любой ученый помнит, что, когда ему было три года, он больше всего на свете любил сидеть у папы на коленях. Люди часто забывают об этом, хотя эти воспоминания — самое хорошее и чистое в нашей жизни. И я вовсе не считаю, что наука отдаляет людей от Церкви. Но иногда она иссушает сердце, разъединяет людей, превращает ученого в известный всем тип кабинетного человека, который живет только своей лабораторией и забывает порой, что у него есть жена и дети. Так не должно быть в жизни, и тут Церковь должна помочь человеку. Я думаю, что и рационалист может быть глубоко верующим человеком, не исключено, что он более глубоко верует, чем остальные. Понимаете, Господь открыт сердцу, не только уму, а человеку дано не только анализировать, но и верить. Просто есть системы, которые уже устарели, которые были ступенью на пути развития идей. Сейчас, конечно, понятно, что атеизм как система не дает никаких ответов на главные вопросы.

— Таким образом, можно сказать, что Вы принимаете современную науку как она есть и воздерживаетесь от ее оценок?

— Есть все-таки наука, в которой нет Бога. Есть наука, которая не только сомнительна, но и опасна, как например, манипуляции с генами. Мы сегодня уже знаем, что можем создавать каких-то монстров, что можем выпускать какие-то программы, обезличивающие и уничтожающие людей... Это, без сомнения, одержимость. И наука, которая не контролируется высокой нравственностью, высоким духовным авторитетом, уже сама по себе извращена. Тогда можно все оправдать ради науки, тогда можно проводить такие ужасные эксперименты, какие делались, к примеру, в нацистских лагерях, когда для научных опытов использовали «человеческий материал». Сейчас практикуется искусственное оплодотворение несчастных женщин, которые по тем или иным причинам не могут иметь детей. Дай Господи, чтобы это было только первоначальное заблуждение, чтобы люди смогли быстро отвернуться от таких опытов.

— Однако в каждом конкретном случае, вероятно, есть свой медицинский резон?

— Да, но помимо медицинской надо сначала рассмотреть духовную сторону дела. К сожалению, у нас на Западе доктора чаще бывают циниками, нежели духовными людьми.

Как правило, смерть пациента они рассматривают как свое личное фиаско, что приводит к жестокому ошибкам. Но жизнь им не подвластна, как не подвластна и смерть. Иногда не только начало жизни, но и ее конец бывает плох для человека. Я это хорошо знаю как духовник, который часто навещает умирающих в больницах. У нас люди редко умирают дома — обычно в госпиталях, и в таком одиночестве, в таком отчуждении от всего человеческого, что злейшему врагу не пожелаешь. Человек умирает прикованный к машинам, подключенный к трубкам, и этот апофеоз медицинской технологии ужасен. И вот только сейчас наши медики начали серьезно интересоваться агонией, причем с точки зрения духовной подходят к этому таинству смерти уже более осмысленно. Есть группы докторов, которые помогают человеку умереть достойно, без страданий, которые серьезно изучают эту проблему. И только сейчас заговорили, что людей нужно провожать до конца: сидеть рядом с умирающим, поглаживая его руку, лоб... Наука сама пришла к пониманию того, что в своем отчуждении от человека она зашла слишком далеко, что надо вернуться к человеческому, к духовному, ведь одной только техники недостаточно. И этот первый, такой человеческий шаг очень трогателен. Именно так и должно быть, так — нормально.

— Существует устоявшееся противопоставление западных «технократических» цивилизаций «традиционным» обществам Востока. На Ваш взгляд, технократия — это нейтральная для христианина ценность или она все же имеет для него какое-то значение?

— Я думаю, что все-таки не нейтральная ценность. Технократия в том виде, в каком она есть сейчас, скажем, в Америке, несет в себе ущерб духовности. Я не говорю, что «страдания очистительны», но такая технократия, такое отчуждение от всего человеческого — страшно. И бездуховность Запада всем очевидна, а западному человеку особенно. Что касается России, то тут очень сложный вопрос. Понимаете, голодный человек — это еще не зверь, но сытому легче подняться, чем голодному. А тут общество такое озлобленное, что без материалистического перехода в сытость, в благополучие, в общество с развитой технологией я ее будущего уже не вижу. И не надо обольщаться: сытость не разумна, материализм не разумен, но он все поглощает, он не вписывается в какие-то рамки. Разумеется, людям в духовном плане будет нанесен какой-то ущерб, но через это нужно пройти. Без развитой технологии такая огромная страна просто не сможет решать своих задач. И заниматься технической модернизацией России не то что можно — необходимо. Только тогда люди смогут заниматься чем-то другим, кроме добывания пищи, хотя бы служением ближнему. Но каким бы развитым ни было общество, все равно остаются такие вечные проблемы, как старость, болезни, одиночество, материалистичность, наркомания... И в этом смысле на американскую модель вряд ли стоит ориентироваться. В Америке есть нравственно достойные, высокоморальные, духовные люди, однако

многие социально ориентированные ценности связаны с насилием, с властью денег. Это отнюдь не христианские принципы.

— В высказываниях некоторых деятелей — так называемых наших православных патриотов — часто слышатся ностальгия по патриархальной экономике, и презрение к техниклизму, что даже позволяет ряду исследователей говорить о своеобразном «русском луддизме». Вы разделяете эти идеи?

— Господи, да не вернемся мы в XVII век! Известно, как тогда плохо жили. Эти рассуждения просто немислимы. На лошадаках пахать, да? Так значит сами никогда не пахали. Сено косить косой?.. Никакого отношения к Православии эти рассуждения не имеют.

— Владыко, это очень интересная тема — «православность» некоторых современных «православных» идеологий. Например, в околоцерковных кругах часто можно услышать рассуждения о соответствии западного менталитета рационально-«горизонтальным» ценностям, а восточного — сакрально-«вертикальным». Причем это, кажется, признается теперь и нашими светскими аналитиками — они расходятся между собой только в оценках.

— Я думаю, что это не только неправильно, но и несправедливо. Русский народ гораздо богаче и одаренней, чем многие считают, а мы хотим его загнать в какие-то очень узкие рамки: ввергнуть или в мистику, или в бунт. Поверьте, в России столько же рационалистов, сколько же поэтов и музыкантов, сколько в любой стране. Может быть, русская душа более доверчива, более глубоко восприняла христианские начала в жизни, она более братская, но к проблеме рационализма это не имеет отношения — в России всегда были последовательные рационалисты.

— Многие, однако, считают, что рационализм противоречит русскому религиозному духу, что это определенный искус для русского человека, который должен быть как можно быстрее преодолен.

— Что Вы! Как он может противоречить? Знаете, даже в молитве, если человек молится только сердцем или только какими-то там чувствами, то это дамская или детская молитва. Господу этого недостаточно. Нужно соотноситься с истиной не только эмоциями, но и умом. Вздохи Запада типа «ах, эта русская душа», «ам рюс, ам рюс» — это просто вздор. Любая душа испытывает взлеты и падения, не только русская. Разумеется, у каждой нации есть свои особенности, но существуют же и общечеловеческие ценности.

— В научной и церковной литературе я читал сообщения о том, что РПЦЗ канонизировала отца Павла Флоренского. Многими в России он воспринимался как человек, весьма успешно синтезировавший в своей жизни и в своем богословском учении два начала — религиозное и научное.

— Все эти разговоры об отце Павле Фло-

ренском мне не совсем понятны. Отец Павел был, несомненно, человеком выдающегося ума. Но я могу ответить словами митрополита Антония Храповицкого, который был не менее умным человеком, сказанными им по поводу «Столпа и утверждения истины»: «15 дней читал. 15 страниц прочел. Ничего не понял». Есть род грехов, которые я называю «академические грехи». Поймите, это совершенно естественно, каждый хочет строить свою систему, создавать свои предпосылки. Но попытка выстроить христианскую апологетику, прослушав лекции какого-то знаменитого профессора в германских университетах XIX в. — все это, конечно, слишком далеко от жизни, слишком, я бы сказал, поздно: уже другие времена наступили, и Церковь не будет так действовать.

Что же касается канонизации отца Павла, то слухи об этом несколько преувеличены. Отец Павел, конечно же, пострадал. Он пострадал именно как священник и именно от новой власти. Но персонально, поименно он не канонизирован.

— Можно ли рассматривать взгляды русских религиозных философов начала века, в том числе их взгляд на роль науки и научно-технического прогресса в человеческой истории, как православную оценку этой проблемы?

— Это не православный взгляд на вещи, это именно взгляд данных людей. Православная Церковь, слава Тебе Господи, не регламентирует человеческую мысль. Она предоставляет человеку очень много свободы, и, может быть, поэтому люди чаще заблуждаются из-за этого, но все-же она не должна управлять умами, как это делают католики. И в этом, на мой взгляд, большая заслуга Православия.

— Владыко, мне кажется, что для архиерея РПЦЗ, которая имеет в нашей стране репутацию наиболее консервативной, если не сказать обскурантистской, Церкви, Вы высказываете иногда очень смелые мысли.

— Знаете, до недавнего времени так много глупостей и клеветы писалось о нашей Церкви в официальной советской печати! Один интеллект, который недавно приехал в Америку, говорил мне: «У вас одни переиздания, у вас нет ни одной оригинальной мысли». Но это не так! У нас был и архиепископ Аверкий со своим очень оригинальным учением, и отец Серафим Роуз, и многие, многие другие. Но если Вы считаете, что нарушение канонов и правил является духовным развитием и новым богословским учением, тогда, конечно, я обскурантист. А то, что часть Церкви старалась в немощи своей все сохранить и ничего не изменить, в том числе и дисциплинарные постановления, регулирующие время поста или бракосочетания, — то в этом ее заслуга. Вот Вы скажете, что несоблюдение поста — небольшое прегрешение. Но если Вы дерзнули и что-то нарушили, то Вы все теряете. Да, наша Церковь не приняла как богословское учение «софиологию», внесшее очень много смуты, которую осудили разные Церкви и которую поддержали лишь два-три человека. Но я не считаю это ее грехом, как и то, что она старалась сохранить и богослужебный язык, и

нашу традицию, — хотя бы это донести до сознания молодых людей следующего поколения.

— Я знаком с некоторыми верующими учеными, которые создают сейчас свои ассоциации, говорят о необходимости соотношения научных ценностей с фундаментальными принципами Православия, с православной идеей. Как Вы относитесь к таким настроениям, не считаете ли, что это своего рода благочестивая утопия?

— Не думаю, что это утопия. Нет ничего страшного в том, что люди стараются объединиться таким образом — ведь легче найти общий язык со своими коллегами, чем с посторонними людьми. Все же лучше им говорить не столько о православной, сколько о церковной идее. Поймите, в этой стране Церковь была отрезана от живой силы, никто даже из диссидентов никогда не опирался на Церковь и не являлся церковным авторитетом. Даже самые достойные люди, такие, как, например, Александр Исаевич Солженицын, когда высказывали какие-то суждения о церковных вопросах, то они были совсем рядом с Церковью, но только в плане понимания этих вопросов. Церковников это всегда поражало. Это не в упрек сказано, а к тому, что Церковь в этой стране действительно находилась в ужасном положении. Церковь нуждается сейчас во всенародной поддержке, в исцелении, если хотите, и это дело всего общества, в первую очередь — интеллигенции. Но в данный момент в условиях большого города интеллектуалу очень трудно найти свое место в качестве прихожанина одного из многочисленных храмов. Не хватает священников, а некоторые из тех, кто есть, относятся к своим пастырским обязанностям халатно, и поэтому их общение с паствой часто напоминает производственный конвейер. Это страшно.

— Возможно ли сейчас, на Ваш взгляд, реальное сотрудничество между научной общественностью и Церковью в решении глобальных вопросов человечества, например, проблемы экологии?

— Естественно. Первоначально контакт должен возникнуть не на уровне институтов, организаций, а просто через нашу доброжелательность друг к другу. Это главное. Мы стремимся отвести мир, людей, брата своего от катастрофы. То, что Церковь экологична в широком смысле, — должно привлечь внимание людей науки к Церкви. Церковь с самого начала проповедовала самоограничение, самодисциплину, всегда имела социальное учение о справедливости. Я не говорю, что это постоянно исполнялось, но это всегда было целью святости. Что есть, к примеру, самое чистое экологическое начало? Хозяйство, понятие как монастырь. Вся Россия, все это огромное государство строилось на этих началах. Обширные земли осваивались монастырями, происходило именно духовное освоение мира. Не только здесь — на средневековом Западе то же самое, и даже позже, чем это можно предположить. В топонимике Франции,

к примеру, часто встречаются названия, связанные с Церковью. Даже в XVIII столетии монастыри осушали болота — остался и такой след. Церковь помогала не только себе, но и окружающему миру. Сегодня она уже не играет роль крупного феодала, но у нее есть громадный опыт, есть сила традиции и есть духовный авторитет. (Однако меня удручает состояние российских дорог: ведь чтобы эффективно заниматься экологией, прежде всего нужно построить хорошие дороги, и они должны сохраняться чистыми и ухоженными.)

Контакты между Церковью и наукой необходимы. Церковь — не только для церковников, и она не только музей. Церковь всегда была мерилом нравственности и чистоты. Увы, из-за этой жестокой истории мы не можем сказать, что сейчас Церковь — действительно мерило нравственности и чистоты. Сегодня в Церкви много разных нецерковных наслоений, много такого, что ей самой мешает вылезти из того болота, в которое затянута все общество.

— Владыко, известно, что в первой эмиграции было немало ученых и инженеров, бежавших на Запад от большевистского террора. Как складывались отношения между этой группой эмигрантов и Церковью? Оказывала ли РПЦ им помощь, способствовала ли их консолидации?

— Первая эмиграция была очень бедной. И тут люди старались сами объединяться и сами защищать себя. Каждая группа, естественно, прежде всего пыталась помочь своим. Церковь помогала церковникам, инженеры и военные создавали свои союзы и объединения. И все это действовало весьма эффективно. Об интеллектуальном уровне этих людей можно судить по тем публикациям, которые они после себя оставили. Никакая другая нация в столь короткий промежуток времени, в таких тяжелых условиях не издала такого количества разных книг, не напечатала столько периодики, как русская эмиграция. Создается впечатление, что чуть ли не каждые пять человек оставили после себя какую-то газету или журнал — на Западе существуют целые каталоги русской периодики. Это совершенно невероятное богатство, которое говорит о том, какое в России было цветение ума, с каким блеском раскрывались лучшие человеческие качества. Многие военные шли на геологические работы, скажем, в Северной Африке, бывшие моряки, которые знали картографию, делали себе карьеру в очень специализированных и престижных областях. Можно сказать, что нефтяное производство связано на Западе с именами русских военных и инженеров. Все это было. К сожалению, сейчас это исчезает на глазах: люди вливаются в иную среду, в иную культуру, и уже нет такой тяжелой жизни, тех экономических трудностей, которые заставляли их объединяться и поддерживать друг друга.

Церковь, безусловно, являлась духовным центром всей русской диаспоры, в том числе и научной. Она была тем институтом, который позволял сохранить духовную связь с русской культурой и русской традицией. Однако я думаю, что объединения ученых, инженеров или военных создавались стихийно. Церковь не

проповедовала — объединяйтесь! Это был естественный процесс, который шел сам по себе. Понятно, что ученые и инженеры, окончившие одно и то же учебное заведение, создавали свои объединения, чтобы иметь возможность контактировать друг с другом.

В наших приходах есть люди науки; многие русские ученые остались православными, многие пришли к вере. Это был глубокий внутренний процесс: люди возвращались в Церковь постепенно, постепенно осознали духовную трагедию, которая произошла с Россией и с каждым из них в отдельности. Такое не происходит в одиночестве, скажем, в 1919 г. Не надо забывать, что в России многие из них относились к этим проблемам поверхностно, и это осознание пришло только в эмиграции. Это был мучительный процесс.

Я лично доволен, что среди моих прихожан — академик Французской академии наук, известный астрофизик Иван Иванович Ковалевский, из знаменитого рода Ковалевских, которые дали России немало выдающихся ученых. Он не только глубоко верующий человек, но и хороший прихожанин, который ни одной литургии не пропустил, несмотря на то, что живет далеко от храма. Кроме всего прочего, он является нашим приходским бухгалтером. Ковалевский часто бывает в Москве. Кстати, одна из его коллег здесь, в России, также крупный ученый, была тайной монахиней.

— Иногда приходится слышать, что «третья волна» уже потеряна для России. Это так?

— Вы сами прекрасно понимаете, что «первая волна» эмиграции состояла в основном из поколения людей старого классического воспитания. В них были заложены духовные основы, их мировоззрение было более широким, чем у поколения, выросшего после войны. Я надеюсь, что эмигранты «третьей волны» не потеряны для России. Они, можно сказать, потеряны для Церкви, что для меня почти одно и то же, но все-таки они могли бы служить своей Родине. Но у этих людей такая ненависть к России — мне это просто непонятно! Тяжело об этом говорить, я не хочу никого осуждать, понимаю?

— В каких формах, на Ваш взгляд, может сейчас проявляться помощь наших соотечественников, ученых, эмигрировавших из России? Реально ли возобновление их контактов с коллегами, учеными на Родине?

— Я думаю, такие контакты уже существуют. Но это сотрудничество не должно происходить формально. Недостаточно устроить международный симпозиум. Человек, который знает, что русский народ, его народ, страдает и стонет и не может выбраться из этого болота, — он сделает все, что в его силах, чтобы по крайней мере в своих разговорах, в своих лекциях на Западе дать понять западному миру, который равнодушен к русской теме, что Россия — это не то кипение страстей, не тот ужас, который мы сейчас видим... Россия — это что-то другое, что-то очень глубокое и широкое, жившее когда-то теми христианскими понятиями, которые были идеалом западного

мира, а мы, старая русская эмиграция, и по сей день живем этими идеалами.

— Владыко, в некоторых учебниках по догматике и апологетике часто можно встретить такую мысль: мир устроен столь гармонично и целесообразно, что ученый-интеллектуал, видя гармоничность и целесообразность этого мира, неизбежно должен прийти к мысли о существовании Творца, т.е. признать бытие Божие.

— Не думаю, чтобы эта мысль была христианской. В мире столько деградации, столько диссонансов, столько падений и ужасов, что можно просто сойти с ума. Падший мир уже не гармоничен, и ту гармонию, которую, может быть, еще чувствует какой-то математик, в этом мире уже не найти. Многие люди уже не видят природы, она им не нужна, потому что никто не хочет жить в дискомфорте. Знаете, часто к вере могут привести вещи совсем противоположные, вещи самые неправдоподобные — какие-то лжеучения, эзотерические секты.

— Вы сказали, что не надо ввергать народ в мистику. Однако как же быть с астрологией, которая так популярна ныне в нашем Отечестве? Ведь, согласно Евангелию, именно волхвам, древним астрологам, расположение звезд указало путь к колыбели Младенца-Христа?

— Астрология — это совсем другое. Есть какой-то колоссальный смысл в том, что Господь открыл свое Рождество именно троим волхвам, которые были наследниками еврейских ученых и пророков, умерших в Вавилонском плену, — только им троим. Я смотрю на это так: астрология для верующего человека — забава, если хотите. Нам не дано знать ни времена, ни сроки, ни будущего. Мы свободны перед Богом и не должны забывать того, что мы не предрешиены. А то, что сейчас увлекаются астрологией, то ведь и к ней можно отнестись серьезно, а можно подойти как к гороскопу или как к гадальным картам, что, кстати, Церковью всегда запрещалось. Да и к серьезной науке это тоже не имеет отношения, как мне кажется.

— Известно, что на Западе находятся многие русские архивы, в том числе и архивы наших ученых-эмигрантов. Может ли РПЦЗ помочь российским исследователям, занимающимся проблемами научного зарубежья России, в поиске этих материалов, их изучении и возможном возвращении на Родину? И как Вам видится дальнейшее сотрудничество между церковными деятелями и учеными?

— Мне кажется, что здесь большие возможности для сотрудничества; есть даже такие архивы, о существовании которых мы не предполагаем. Но надо посвятить себя этому делу и изучать эти материалы. В будущем, я надеюсь, ваш институт сможет приглашать помимо архиереев или священников нашей Церкви и наших ученых мирян. Думаю, что они смогут рассказать и свою биографию, и то, как они видят проблемы современной медицины, современной технологии, — каждый в своей области. Такое сотрудничество не

только желательно, но и необходимо: и церковники обогащаются этим, и научный мир обогащается тем духовным опытом, который дает только Церковь, только полнота церковной жизни. Может быть, это будет не так быстро, как мы предполагаем, но это непременно будет.

— Владыко! В конце нашей беседы что бы Вы могли пожелать современным российским ученым?

— Самое главное, чтобы российские интеллектуалы являлись нравственным примером для своих соотечественников. Добрые примеры не всегда заразительны, но они в той или иной степени все равно оказывают влияние на общество. Доброта, честность — вот те качест-

ва, которые нужны сейчас, чтобы в жизни не брало верх только материальное начало — как бы побольше нахапать. Если бы жизнь была нормальной, не надо было бы и хапать. Знаете, на самом деле для жизни человеческой так мало нужно, у людей такие ограниченные потребности. И было бы прекрасно, если бы были люди, которые являлись нравственным примером, которые понимали бы свою службу как служение народу, ближнему. К сожалению, у нас нет сейчас всеобщей ориентации на нравственность, на порядочность, на служение. А ведь это самое важное.

Беседу вел Р. М. Южаков

H. L. L. Busard. *Jordanus de Nemore, de elementis arithmetice artis. A medieval Treatise on Number Theory.* Stuttgart: Steiner, 1991. Bd. 1. — 372 p; Bd. 2. — 188 p. (Boethius; 22, 1+2)

Книга известного голландского специалиста по западноевропейской математике Средневековья Х. Л. Л. Бусарда представляет собой публикацию на латинском языке одного из самых популярных учебников средневековой Европы — «Арифметики в десяти книгах» Иордана Неморария. Она издана в серии «Боззий», редактируемой проф. М. Фолькертом. (В этой серии выходят тексты и исследования по истории математики и естественных наук.) Что касается самого Бусарда, то он известен прежде всего своими публикациями источников по различным математическим дисциплинам, включая алгебру и практическую геометрию. Кроме того, благодаря Бусарду к настоящему времени стали доступны для исследователей почти все латинские переводы с арабского и греческого языков «Начал» Евклида, выполненные различными авторами в средние века в Европе. Отличительной чертой Бусарда как издателя является выбор источников для публикации: почти всегда это манускрипты, хотя и не слишком выигрышные с точки зрения современной математики, но наиболее популярные и часто переписываемые именно в средние века.

Настоящее издание состоит из двух томов. В первом опубликован латинский текст, снабженный кратким переложением на английский язык с использованием символики современной алгебры. Во втором томе приведен список всевозможных разночтений с основным текстом, зафиксированных в 25 различных списках работы Неморария. Основному тексту предпослано авторское введение, в котором Бусардом изложены соображения относительно личности Неморария и приведен список из шести трактатов, принадлежность которых Иордану не вызывает сомнений у исследователей. Во введении сжато пересказано содержание «Арифметики» с указанием наиболее вероятных источников этого трактата, а также рукописей, в которых прослеживается влияние теорем, доказанных в нем. Во второй главе дано подробное описание манускриптов, содержащих текст трактата Неморария. Выявлена зависимость между ними, и обоснован выбор наиболее раннего списка из Национальной парижской библиотеки, относящегося к XIII столетию, на основе которого и выполнено настоящее издание. Отметим, что тщательный текстологический анализ списков является необходимой предпосылкой для публикации того или иного средневекового манускрипта. В ряде случаев он позволяет выделить список, в наибольшей степени отвечающий протографу данного трактата, что зачастую необходимо для его адекватной исторической интерпретации. В качестве примера достаточно привести исследование

Р. А. Симонова «Математическая мысль Древней Руси» (М.: Наука, 1977), в котором на основе сопоставления списков сочинения Кирика Новгородца «Учение им же ведати человеку числа всех лет» реконструирован протограф, что дало возможность высказать ряд соображений общего характера о композиционной структуре и назначении этого важнейшего источника древнерусской книжности.

В конце XII—начале XIII в. в Европе работали два выдающихся математика — Леонардо Пизанский, или Фибоначчи, и Иордан Неморарий. О жизни Леонардо Пизанского нам известно довольно много, возможно, потому, что он, будучи человеком светским, был постоянно «на виду». Рассказывают, что к его личности проявлял интерес германский император Фридрих II Гогенштауфен. Напротив, об Иордане Неморарии достоверных сведений нет. Известно только, что он жил не позднее 1260 г.: списки некоторых его работ содержатся в составленном между 1246 и 1260 г. каталоге библиотеки Ричарда Фурнивальского; к тому же на «Арифметику» Неморария ссылается Кампан Новарский в своем комментарии к «Началам» Евклида, датированном 1259 г. В конце прошлого века было высказано предположение, что Иордан Неморария следует отождествить с Иорданом Саксонским — вторым генералом монашеского ордена доминиканцев, преемником св. Доминика. Поддержанное видными историками математики М. Курце и М. Кантором это предположение остается пока лишь гипотезой, оспариваемой, в частности, современным специалистом по истории точных наук Средневековья М. Клагеттом. Происхождение имени «Неморарий» также остается загадкой.

Интересна судьба творческого наследия Неморария. Наиболее популярный в средние века трактат «Арифметика», рукопись которого в эпоху Возрождения намеревались издать сначала Региомонтан (1436—1474), а затем Франческо Мавролик (1494—1575), впервые в сокращенном варианте был выпущен в 1496 г. В 1514 г. издание было повторено и до настоящего времени оставалось последней публикацией этого труда. В Новое время Иордан был практически забыт; после работ Ф. Виета ссылались на Неморария стало не принято. Лишь в середине XIX столетия имя Неморария стало упоминаться в связи с полемикой М. Шалля и Г. Либри — автора четырехтомной «Истории математических наук в Италии» (1838—1841), — в ходе которой Либри утверждал, что своим появлением в Европе алгебра обязана исключительно трудам Леонардо Пизанского, тогда как Шалль, ссылаясь на Иордана Неморария, отстаивал тезис о влиянии арабской математической литературы. Вскоре появились